

УДК 343.26 (571.1/.5)
ББК X819(2РБ)112.031-32

А.А. Иванов

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КОНЦА XIX ВЕКА КАК ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ В СИБИРЬ

Проанализированы основные законодательные акты, регулировавшие политическую ссылку в Российской империи конца XIX в. Исследование правовой базы применения этого наказания свидетельствует о том, что отношение к государственным преступникам было суровым, однако не отличалось жестокостью.

Ключевые слова: уголовное законодательство, политическая преступность, сибирская ссылка и каторга.

A.A. Ivanov

CRIMINAL LEGISLATION OF THE LATE XIX CENTURY AS BASIS FOR SENTENCING TO POLITICAL EXILE TO SIBERIA

The article analyzes basic legislative acts that used to regulate political exile in the Russian empire of the late XIX century. The study of the legal base for inflicting this punishment demonstrates that the state criminals were treated severely but cruelly.

Keywords: criminal legislation, political criminality, Siberian exile and penal servitude.

Первая половина XIX в. связана с появлением в России регулярной политической ссылки: вслед за Радищевым в Сибирь были сосланы участники декабрьского выступления 1825 г. в Петербурге. Декабристы отбывали наказание на каторжных работах в Нерчинске и Петровском заводе, затем вышли на поселение, обосновавшись вблизи крупных сибирских городов. Именно в этот период происходит формирование политической полиции империи, создается III Отделение, возникают жандармские полицейские управления, в том числе и в Иркутске.

Революционное движение 1870–1890-х гг. в европейской части страны сделало сибирскую ссылку «бытовым явлением», однако законодательство и его важнейшие составляющие — Уголовное Уложение, Устав о содержащихся под стражей и даже Устав о ссыльных — практически не апеллируют понятием «политический каторжанин» или «политический ссыльный». Это не случайно: государство изначально ставило своих политических противников в один ряд с уголовными преступниками.

Каторга и ссылка в Сибирь конца XIX в., как важнейшая часть внутренней политики государства, подлежала регламентации целым рядом законодательных актов, уставов и положений. Важнейшими из них были Уголовное Уложение, Уложение о наказаниях, Устав уголовного судопроизводства, Положение о чрезвычайной и усиленной охране, Устав предупреждения и пресечения преступлений и, конечно же, Устав о ссыльных.

Настоящие законодательные акты дают целостное представление об отношении государства к политической и уголовной преступности и составляют правовую основу охранительной политики России. Уголовное Уложение классифицировало все преступные деяния на три вида —

тяжкие преступления, преступления и проступки. Так называемые государственные преступления отнесены к тяжким и разделены на три группы — преступления против Его Величества, посягательства на образ правления и целостность России, государственная измена.

Уголовное Уложение 1903 г. дает классификацию и наказаниям за преступные деяния, подразделяя их на восемь видов — смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в крепости, заключение в тюрьме, арест, денежная пеня. Как видим, в системе наказаний каторге и ссылке отводится наиважнейшая роль: они стоят на втором и третьем месте после исключительной меры — смертной казни.

Центральное место в Уголовном Уложении занимали статьи, классифицировавшие государственные преступления. Это ст. 99–163. Статья 99 карала смертной казнью покушавшихся на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность царствующего императора, императрицы или наследника престола. Виновный в оскорблении императора, надругательстве над его изображением, в распространении порочащих его сочинений или изображений наказывался каторгой на срок до восьми лет (ст. 103). Публичное оскорбление одного из членов императорского дома влекло за собой пожизненную ссылку на поселение (ст. 106).

Столь же широко применялось наказание каторгой и ссылкой по статьям, квалифицировавшим преступления против собственно государства. Цитируем ст. 100, используемую наиболее часто против массового леворадикального движения: «Виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных законами Основными образа правления или порядка наследия престола или отторжение от России какой-либо ее части, наказывается: смертной казнью. Если такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то виновный наказывается срочной каторгой» [1, с. 127].

«Приготовление» к тяжкому преступлению, предусмотренному ст. 100, или «участие в сообществе, составившемся для его учинения», также подлежало наказанию каторгой: согласно ст. 101 — на срок не свыше десяти лет, по ст. 102 — не более восьми лет. Если у виновного находили оружие или взрывчатые вещества, то продолжительность наказания каторжными работами увеличивалась.

Со ст. 100 Уголовного Уложения 1903 г. была созвучна ст. 126: «Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается: каторгой на срок не свыше восьми лет или ссылкой на поселение. Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается срочной каторгой» [1, с. 206].

Как видим, закон в первую очередь стремился обезопасить от посягательств радикальной части общества императора, императрицу и наследника престола, затем «образ правления или порядок наследия», а также «существующий в государстве общественный строй».

Понятия «образ правления» и «общественный строй» нуждаются в конкретизации. Первое, по всей видимости, подразумевало форму монархии — неограниченная, самодержавная, второе дифференцировать более сложно. На наш взгляд, оно столь растяжимо и неопределенно, что

может включать в себя и религию, и семью, и культурно-национальную общность, и, наконец, форму управления государством. Так или иначе, но необходимо признать, что Уголовное Уложение выше приведенными статьями, используя институт политической каторги и ссылки, охраняло государственный строй, самого монарха, неделимость и целостность империи. Каторга и ссылка, таким образом, законодательно занимали важнейшее место во внутренней политике государства.

Статьи 128–130 Уголовного Уложения предусматривали ответственность за организацию публичного «порицания» существующего образа правления, распространение сочинений, призывающих к «бунтовщическим деяниям», пропаганду среди войск. Как организатор, так и рядовой участник этого «деяния» наказывался пожизненной ссылкой на поселение.

Ссылка на поселение назначалась и за участие «в скопище», которое открыто противодействовало войскам или захватило в свою власть и разграбило склад оружия, освободило арестантов из-под стражи, употребило для своих действий «взрывчатые вещества» (ст. 123).

Несколько особняком в Уголовном Уложении стоят ст. 127 и 163. Первая предусматривала каторжные работы виновному в «допущении собрания противозаконного сообщества в месте, ему принадлежащем или состоящем в его управлении», вторая наказывает срочной каторгой или ссылкой на поселение «за неизвещение без уважительной причины подлежащей власти о замысленном преступлении». Следует признать, что по существу обе статьи провоцировали в обществе доноительство, поощряли шпионство и слежку [1, с. 210, 261].

Более суровые наказания каторгой были предусмотрены Уложением о наказаниях. Особое место здесь принадлежало ст. 263. Она предусматривала за «явное против властей восстание с намерением воспрепятствовать обнародованию высочайших указов и манифестов» лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Ст. 309 и 310 определяли меру ответственности за организацию побега, а также освобождение арестантов во время пересылки. Наказание было суровым — ссылка в каторжные работы на срок от 12 до 15 лет и от 15 до 20 лет соответственно.

Обращает на себя внимание ст. 987, согласно которой виновный в приготовлении, приобретении, хранении и сбыте без надлежащего разрешения взрывчатых веществ или снарядов «с противною государственной безопасности и общественному спокойствию» целью лишался всех прав состояния и подвергался ссылке в каторжные работы на срок от 4 до 15 лет. Государство защищало себя и общество от революционной деятельности, однако формулировка статьи в части определения цели хранения и сбыта взрывчатых веществ давала судам возможность практически безграничного ее применения [1, с. 356].

Устав уголовного судопроизводства не касался напрямую политической каторги и ссылки, однако содержал важную для нашего исследования ст. 1030, принятую 7 июня 1904 г. Эта статья оговаривала возможность рассмотрения преступных деяний по ст. 99, 113, 116–119, 121 и 128 Уголовного Уложения от 22 марта 1903 г. по особым правилам, фактически исключив их из общего порядка уголовного судопроизводства [1, с. 370].

С темой нашего исследования связан также Воинский Устав о наказаниях. Статья 273 этого Устава определяла ответственность для военнослужащих, совершивших государственные преступления: например,

срок каторжных работ по ст. 100–127 Уголовного Уложения увеличился для них на два года [1, с. 528].

Уголовное Уложение кроме определения наказаний за преступления содержало и ряд статей, регламентирующих собственно каторгу и ссылку. Согласно Уложению, каторга назначалась без срока или на срок от 4 до 15 лет. Ссылка на поселение определялась без срока. Приговоренные к каторге должны были содержаться в каторжных тюрьмах, в общем заключении. «Тяжкие» работы были обязательны. По отбытии каторги преступники выходили на поселение.

Положение об обязательных каторжных работах было «слабым» звеном Уголовного Уложения. Дело в том, что в Сибири, да и в России в целом, несмотря на громадные территории, для осужденных практически не существовало каторжных работ. В Восточно-Сибирском регионе незначительная часть заключенных была занята на строительстве железной дороги, в Бархатовских каменноугольных копях, а также на Нерчинских заводах, принадлежащих Кабинету. Остальные каторжане выполняли лишь санитарные работы внутри тюремных замков. Занять их производительным трудом не представлялось возможным. Положение с занятостью политических арестантов было еще хуже: осужденные революционеры практически не работали, используя время изоляции для пополнения своих знаний, самообразования и дискуссий по проблемам межпартийных разногласий. Впрочем, тюрьма есть тюрьма, и самое тяжелое испытание здесь для интеллигентных ссыльных было испытание «вынужденным общением».

Каторга и ссылка, в том числе и политическая, непременно сопровождалась лишением прав состояния. Дворяне теряли права дворянства, потомственные и личные, а с ними и все преимущества своего сословия. Лица духовного звания лишались своего сана. Купцы, почетные граждане также теряли свои права и преимущества. Государство таким образом не только наказывало за противоправительственную деятельность, но и изолировало лиц, принадлежащих когда-то к привилегированным сословиям, ограждало от их влияния законопослушную часть общества.

Присуждение к каторге и ссылке влекло за собой утрату имущественных прав и прав наследования. Супружеские права могли быть также расторгнуты по ходатайству одного из супругов. Закон определял и прекращение родительской власти над детьми, родившимися до вступления приговора в силу и не последовавшими за осужденным или впоследствии его оставившим.

Статья 30 Уголовного Уложения преграждала ссыльным путь к занятиям общественно-политической, профессиональной и предпринимательской деятельностью и была в первую очередь направлена против политических, а не уголовных преступников. Приговоренные не могли избирать и быть избранными в сословные представительные органы; состоять на государственной, земской или общественной службе; служить в армии и на флоте; занимать церковные должности; содержать предприятия первых пяти разрядов, в том числе по производству золотых или платиновых изделий; заниматься педагогической деятельностью; пользоваться правами домашнего учителя.

Как видим, государство стремилось максимально изолировать от общества политического и уголовного преступника, лишить его сословных привилегий, имущественных и семейных прав. Надо признать, что это было суровое наказание. Однако понимая, что «вечная» каторга

или поселение «без срока» отнимали у осужденных само стремление к дальнейшей жизни, не давали надежды на возвращение в Европейскую Россию и не стимулировали их исправления, закон определял и условия частичного возвращения утраченных по суду прав и привилегий. В случае «одобрительного» поведения приговоренные к каторге без срока по истечении 15 лет, а приговоренные к срочной каторге по истечении двух третей определенного им срока могли быть переведены на поселение. Как переведенные после каторги, так и приговоренные к ссылке на поселение по истечении десяти лет оно, опять же в случае одобрительного поведения, могли быть вообще освобождены от дальнейшего наказания. Права, утраченные ими на основании ст. 30 после десяти лет по освобождении от поселения, могли быть приобретены вновь.

После окончания срока поселения бывшие преступники могли вернуться в Европейскую Россию. При этом их дальнейшая жизнь и деятельность подвергались ряду ограничений. Им запрещалось, например, жительство в указанных законом губерниях, городах и местностях. Как правило, за вернувшимся из ссылки «политиком» тут же устанавливался негласный надзор, который давал все его контакты и мог наглядно свидетельствовать, «исправился» человек или нет.

Анализ законодательной базы свидетельствует, что отношение к государственным преступникам было суровым, однако не отличалось надуманной жестокостью. Более того, закон стимулировал исправление преступников или их отказ от активной оппозиционной деятельности. В случае «одобрительного поведения», «исправления» бывшие каторжане и ссыльные могли вновь стать частью общества, участвовать в избирательных кампаниях, преподавать, занимать ответственные посты и должности. Закон был направлен не столько на тяжкое наказание, сколько на изоляцию политического осужденного и охрану государственного строя.

Список использованной литературы

1. Малянтович П.Н. Законы о политических и общественных преступлениях: Практический комментарий / П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев. СПб., 1910. 563 с.

Referenses

1. Malyantovich P.N. Zakony o politicheskikh i obshchestvennykh prestupleniyakh: Prakticheskii kommentarii / P.N. Malyantovich, N.K. Murav'ev. SPb., 1910. 563 s.

Информация об авторе

Иванов Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор, Сибирская академия права, экономики и управления, г. Иркутск, e-mail: ottisk@irmail.ru.

Author

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Siberian Academy of Law, Economics and Management, Irkutsk, e-mail: ottisk@irmail.ru.